

Н. Ф. КАПТЕРЕВ

Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович

<Фрагмент>

Царь Алексей Михайлович как устроитель церковных дел после удаления Никона

Царь Алексей Михайлович как убежденный грекофил и инициатор грекофильской реформаторской деятельности Никона. Он предоставил Никону полную свободу действий в проведении церковной реформы, активно, во время патриаршества Никона, не вмешиваясь в это дело. По удалении Никона Алексей Михайлович делается фактическим управителем русской церкви. Меры, предпринятые Алексеем Михайловичем для умиротворения русской церкви и признания ею реформы Никона. Собор русских иерархов 1666 года, открытый 29 апреля, как совершенно отличный от собора того же 1666 года, открытого 29 ноября в присутствии восточных патриархов. Деятельность собора русских иерархов 1666 года и его особое отношение к старообрядчеству

Царь Алексей Михайлович, воспитавшийся в грекофильских воззрениях, был искренним, убежденным грекофилом. Вместе с своим уважаемым духовником, — благовещенским протопопом Стефаном Вонифатьевичем, он пришел к мысли о необходимости полного единения во всем русской церкви с тогдашнею греческою и уже ранее патриаршества Никона, как мы знаем*, предпринял ряд мер для осуществления этой мысли, которой он остался верен до конца своей жизни. Сам Никон, как реформатор — грекофил был, в значительной степени, созданием царя Алексея Михайловича и, сделавшись благодаря ему патриархом, должен был осуществлять в свое патриаршество мысль государя о полном единении русской церкви с тогдашнею греческою, причем царь оказывал ему в этом деле постоянную, необходимую поддержку. Без энергичной и постоянной поддержки государя одному Никону, только своему патри-

* См. том первый, глава первая, моей книги: Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович.

аршею властью, провести свои церковные грекофильские реформы было бы решительно невозможно.

Сделав Никона патриархом, уверившись в его полной готовности провести все необходимые церковные реформы в духе полного единения русской церкви с тогдашнею греческою, сделав Никона своим исключительным доверенным лицом — «собиным другом», Алексей Михайлович предоставил ему полную свободу проводить нужные церковные реформы и не считал себя в праве вмешиваться в это дело, почему оно и ведено было исключительно Никоном, ведено им так, как он — Никон находил это лучшим и более достигающим предполагаемой цели. Конечно во всех важных случаях Никон обо всем докладывал государю, советовался с ним и всегда действовал с его согласия и одобрения. Но несомненно также и то, что мнения и воззрения именно Никона по тому или другому церковному вопросу всегда имели решающее значение и в тех случаях, когда в чем либо и не были согласны с мнением Алексея Михайловича, который уступал своему более компетентному и сведущему, предполагалось, другу, благодаря чему в церковной сфере Никон, во все время своего патриаршества, был самостоятельным и независимым деятелем. Именно на такое отношение царя к церковно-реформаторской деятельности Никона имеются прямые положительные указания современников.

Иоанн Неронов, в письме к царскому духовнику Стефану Вонифатьевичу, от 2-го мая 1654 года, говорит: «о себе самом пишеша к нам убогим, яко царь удивляется моему упрямству, и на себя такого чина не взимает, что управити ему, государю, благочестие... А еже рекл еси, о вселюбезне, яко царь — государь положил свою душу и всю Русию на патриархову душу: не буди ему, государю, тако мудрствовать». Неронов говорил Никону патриарху: «государь тебе волю дал и потому ты теперь поступаешь посвоему. Аз грешный, — говорит он в другом случае, — в крестовой пред собором всех властей говорил те слова (Никону): подал равноапостольный; благочестивый государь... тебе волю, и ты, не узнавша, тако великия ругания творишь, а ему, государю, сказываешь: я-де делал по евангелию и по отеческим преданиям». Действительно Алексей Михайлович остерегался вмешиваться в церковные дела и в церковное управление, хорошо зная, что такое вмешательство возбудит неудовольствие в Никоне и даже может вызвать с его стороны какой либо резкий поступок. Когда Неронов примирился с Никоном, чего усиленно желал царь, последний, раз увидев Неронова в соборе, весело обратился к Никону, со словами: «благослови его (Неронова) рукою». И патриарх государю рек: «изволь, государь, помолчать, — еще

не было разрешительных молитв». И государь рек: «да чего же ты ждешь?» И в палату свою отыде», т. е. Никон публично и резко сделал замечание царю, что он вмешивается не в свое дело, которое он, Никон патриарх, знает лучше, нежели царь, почему и не нуждается в его указаниях. Павел Алепский, при описании своего пребывания в Саввинском монастыре, где он был вместе с антиохийским патриархом и государем, рассказывает: «дьякон митрополита Миры¹, сосланный царем в этот монастырь, где он пребывал в полном довольстве, — не знаем, в чем он провинился и за что патриарх Никон запретил ему служить, в этот день, поздним вечером, явился к царю, поклонился ему земно и просил дать ему разрешение служить обедню на другой день. Но царь отказал и ответил ему: «боюсь, что патриарх Никон отдаст мне свой посох и скажет: возьми его и паси монахов и священников; я не прекословлю твоей власти над вельможами и народом, зачем же ты ставишь мне препятствия, по отношению к монахам и священникам?» Услышав эти слова, замечает Алепский, мы изумились и подивились такой вере, благочестию и почтению к архиереям»*.

Со своей стороны и первые противники церковной реформы Никона почти единогласно уверяют, что в церковных реформах Никона царь играл совершенно пассивную роль: он на все смотрел глазами Никона, во всем соглашался с ним, только подтверждал и оправдывал все, чтобы ни делал в церковной сфере Никон. Протопоп Аввакум говорит: «Никон ум отнял у милова (т. е. царя), у нынешняго, как близ его был. Я ведь тут тогда был, все ведаю». В другом месте Аввакум замечает: «житие (царя) было и нарочито исперва, да рассказал собака Никон еретик». На соборе 1666 года Аввакум на вопрос: православен ли царь? отвечал: «а государь наш царь православен, но токмо простою своею душею принял от Никона, мнимаго пастыря, внутренняго волка, книги, чая их православны, не рассматривая плевел еретических в книгах, внешних ради браней, понял тому веры, и впредь чаю по писанному: праведник, аще падет, не разбьется, яко Господь подкрепляет руку его». Дьякон Федор говорит, что Никон разорял правую веру на Руси, «а самодержец ему о всём том не возбрани; виде мать свою святую церковь от разбойник разоряему, и не зазирает, но паче заступает. Дивлюся помярочения разума царева, как от змия украден бысть! Или рещи: яко забвение и неразумие на всех хвалится. Человек бо есть. Не ведый

* Материалы для истории раскола т. I, стр. 48, 106, 154. Путешествие антиохийского патриарха Макария, Архидиакона Павла Алепского, перевод Муркоса, вып. IV, 129.

бо исперва лъсти, не узна волка во овчей кожи пришедша... В символе льстец он — Никон лестию своею *истиннаго* изверг, на книги разгласныя и пометныя письмянныя, кои валяхуся вне церкви, и не свидетельствованныя, на те указуя: и таковым коварством благовернаго царя душу окраде. По сему же образу и в иных догматах, яко змия Еву прельсти лукавством своим, утаивая от него истину, яко враг, и сказуя ему, помазаннику Божию: ни в коих книгах не обретається *истиннаго*, государь, токмо в печатных московских книгах приложено *истиннаго*...² Вся он, еретик Никон, от царя закрыл и загладил ложными словесы, да свое хотение совершить... Самодержец о всем том Никону не возбрани; виде мать свою святую церковь от разбойника разоряему, и не поможет. Понеже, льстец он, улови его в начале патриаршества, и рукописание взя от него, государя царя, да ни в чем ему не возбраняет, что начнет творити, еще же и от бояр его заступает, да не возбрыняют и не препинают ему хотения своего творити»*.

Сам царь Алексей Михайлович в одном случае решительно и прямо заявляет, что во всех делах, касающихся церкви, он предоставлял Никону полную свободу действий и утверждал без возражений то, что считал нужным и правым патриарх Никон. Именно, в грамоте к константинопольскому патриарху Дионисию, от 26 декабря 1662 года, царь, о своем отношении к церковной деятельности Никона, говорит: «мы вся правления церковная на рассуждение его (Никона) полагахом и к совету его склоняхомся»**.

Наконец и сам Никон признает, что царь, во время его патриаршества, по всем церковным делам слушал его — Никона, подчинялся его советам и указаниям и сам не решался вмешиваться в церковные дела. В письме к царю в июле 1659 года Никон пишет: «дивлюся о сем: како вскоре в такое дерзновение пришел еси (т. е. царь), иже иногда страшился еси на простых церковных причетников суд наносити, яко же и святые законы не повелевают; ныне же всего мира иногда бывша, аки пастыря, восхотел грехи и таинства видети?» В грамоте к константинопольскому патриарху Никон заявляет: «первее царь был благоговееен зело и милостив, и во всем Божиим заповедем искатель, *елико мы возвещахом*, и милостию Божиею и нашим благословением победа Литву»³. Свой принципиальный взгляд на отношение царя к церковным делам Никон выразил в следующих словах в письме к царю: «Господа ради, воздержися не своих искати, или исправляти», т. е. Никон принципиально

* Материалы для истории раскола. III, 29, 37. II, 22–23. VI, 293–294, 320, 326.

** Гибнет: Историческое исследование дела патриарха Никона, т. II, 564.

устраняет царя от всякого вмешательства в церковные дела, как совсем неподлежащие его ведению*.

Таким образом, оказывается, что царь Алексей Михайлович дал Никону, при вступлении его на патриаршую кафедру, только руководящую основную идею для его будущей реформаторской деятельности: достигнуть полного единения во всем русской церкви с тогдашнею греческою. Самый же способ и характер выполнения этой задачи, во всех ее церковных частностях и подробностях, он предоставил усмотрению Никона, от которого исключительно и зависело проведение всех церковных реформ. Царь, со своей стороны, считал своею неременною обязанностью всячески поддерживать и подкреплять свою власть и авторитетом все реформаторские шаги Никона. Но когда Никон, по неудовольствию на царя, неожиданно оставил патриаршую кафедру, и все управление русскою церковью фактически перешло в руки государя, когда к нему отовсюду стали приходить заявления, что Никон не исправлял русские церковные книги, чины и обряды, а только портил и искажал, когда царь увидел, что реформы Никона внесли большие соблазны и смуты в русскую церковную жизнь, от чего она пришла вся в полное расстройство, и что в русской церкви быстро нарождается раскол, — он не мог тогда не обратить серьезного внимания на церковную жизнь, не мог не заботиться о приведении ее в порядок: дальше оставлять церковные дела в их тогдашнем состоянии было невозможно. Царю Алексею Михайловичу поневоле пришлось теперь взять на себя патриаршие обязанности по приведению церковных дел в порядок, и он с честью и энергиею выполнял их в течение восьми с лишком лет, пока не выбран был новый патриарх.

Очень трудную и тяжелую задачу приходилось выполнять царю Алексею Михайловичу в церковных делах. Ему необходимо было, прежде всего, разобраться в том, каковы на самом деле были книжные исправления Никона, о которых так много говорят и спорят, и могут ли они во всем объеме, во всех частностях и подробностях быть признаны церковью как правильные, необходимые и потому для всех обязательные? Это был самый главный и действительно неотложный вопрос, так как противники книжных никоновских исправлений указывали на тот факт, для всех очевидный и неоспоримый, что вновь исправленные Никоном книги не только были не согласны со старыми московскими печатными книгами, но не согласны и между собою: при Никоне было три выхода книги служебника⁴ и каждый выход был не согласен с другим, что прямо-

* Подлинно дело о патриархе Никоне, изд. археогр. комиссии 1897 г. стр. 5–8. Записки рус. археол. общ. II, 513.

де указывает на царивший в книжных исправлениях произвол справщиков, иначе между разными выходами служебника не могло бы быть различия. Чтобы положить конец спорам и препирательствам, чтобы уничтожить смуту и брожение в умах по поводу никоновских книжных исправлений, чтобы устранить упрек в произволе, самочинии и «бессоветии» при книжных исправлениях, какой обыкновенно делали Никону, царь решил действовать в этом деле чрез церковный собор, который должен был выработать определенный церковный и авторитетный взгляд на реформу Никона и потом сделать этот взгляд уже обязательным для всех истинных сынов церкви. В этих видах Алексей Михайлович 21 декабря 1662 года издал повеление созвать церковный собор, который должен был, между прочим, порешить вопрос и о книжных исправлениях Никона, причем на собор решено было пригласить и восточных патриархов. По повелению царя немедленно образована была предсоборная комиссия, в состав которой вошли: Иона митрополит ростовский, Иларион архиепископ рязанский, боярин князь Никита Иванович Одоевский и боярин Петр Михайлович Салтыков, думный дворянин Прокофий Кузмич Елизаров, думный дьяк Алмаз Иванов и дьяк Лукьян Голосов. Этой предсоборной комиссии, между прочим, поручалось собрать справки «книжного печатного двора у справщиков: сколько при патриархе Никоне было выходов книг печатных и каких, и одних книг выход с выходом во всем ли сходны были, и будет не сходны, в чем рознь и какая, и старые печатные и письменные и харатейные⁵ книги, из греческих присыльных книг переводы, с которых новые книги печатаны на печатном дворе ныне все-ль есть, или которых нет и где они ныне? У старца Арсения Суханова⁶ (спросить), что он в Палестине купил каких книг на патриарха и инога всего, и что за все дано денег и куда отдано?»*. Это собрание точных справок предсоборной комиссией вызывалось, по словам царской грамоты, тем обстоятельством, что по поводу церковных исправлений, бывших при Никоне, «ныне в народе многое размышление и соблазн, а в иных местех и расколы». Значит, имелась в виду соборная проверка книжных исправлений Никона в целях прекращения смут и волнений, возникших тогда в церковной жизни. Как предсоборная комиссия выполнила возложенную на нее царем задачу, и какие данные она собрала о книжной справе при Никоне, мы, к сожалению, не знаем. Здесь только заметим, что соборного рассмотрения и решения всех спорных, волновавших тогдашнее общество вопросов желали и противники церковной реформы Никона, о чем и заявляли царю, думая одержать

* Гиб. I, 244.

на соборе решительную публичную победу над сторонниками книжных никоновских исправлений. Неронов в челобитной обращается к царю: «нужно, христолюбивый царю, собору быти о прелестном его (Никона) мудровании и исправлении церковном». Дьякон Федор заявляет в челобитной царю: «аще не собереши, государь, всех нас воедино, кои стоят за старое и кои за новое, и обоих стран словес не услышиши: не познаеши, государь, истины. Егда будет праведный между нами судия, или ты сам, христианская наша надежда, или ин кто верный твой царев слуга в тебе место, аще мы пред твоим царским лицом недостойни стати: тогда сии святии себя оправят и лесьт прогонят от церкви далече, да паки чиста явится церковная нива от соблазн». На допросе у сарского митрополита Павла⁷ в 1665 году дьякон Федор заявлял: «а о служебниках де новыя печати говорить не смеет, а служить де по тем служебникам новыя печати не будет до собору. И преосвященный митрополит его, дьякона Федора, допрашивал, кто ему сказывал и почему ведает, что о книгах новыя печати собор будет. А по допросе сказал: сказывал де ему про собор протопоп Аввакум, а к нему де Аввакуму, присылано от великаго государя, как был на Москве, — что б терпел до собору а кто присылан, того не упомнить». Инок Авраамий обращается к царю: «вонми себе, Бога ради, дай праведный суд zde нам со отступники, от Никона мудрость приемшими, да будущаго суда тамо убежиши. Вся тягота церковная ныне на твоей выи висит; а на властей ни на которых ныне нечево смотреть — времени служат, а на пред⁸ не озираются беднии пастуси. А ты, государь, аще на суде Христове хоцещи стати прав, дай нам zde суд прав*». Очевидно, соборный пересмотр книжных исправлений Никона, задуманный царем Алексеем Михайловичем, вполне соответствовал и желаниям противников книжных исправлений Никона, которые, с своей стороны, тоже на собор возлагали все свои надежды на возврат старых, дониконовских порядков.

Понятно само собою, что деятельность предсоборной комиссии самого собора должна была получить то направление, какое даст им царь Алексей Михайлович, сделавшийся, по удалении Никона, единственным фактическим управителем всей русской церкви, почему его взгляды, убеждения и желания во всех тогдашних церковных делах имели решающее значение. Но Алексей Михайлович был убежденным грекофилом, он был инициатором грекофильской реформаторской деятельности Никона, которой оказывал, во все время патриаршества Никона, полное одобрение и энергическую поддержку, почему церковно-реформаторская деятельность Никона в суще-

* Матер. I, 191, 598–599. VII, 44, 216.

ственной своей части была выражением воззрений и желаний самого царя. Естественно было, поэтому, что Алексей Михайлович никак не мог быть принципиальным противником произведенной Никоном церковной реформы, ни под каким видом не мог стать на сторону ее противников и врагов, не мог отнестись к ней отрицательно. Наоборот. Он должен был, по указанным причинам, и по удалении Никона, всячески добиваться признания всеми реформы Никона в ее полном объеме. К этому, за последнее время, у него явились и новые особые побуждения, вызванные последними политическими событиями. Малороссия отделилась от Польши, признала своим царем Алексея Михайловича и вошла в состав московского государства, как его нераздельная часть. Но в Москве православие малороссов, как и православие тогдашних греков, возбуждало сильное сомнение потому единственно, что церковно-обрядовая практика южнороссов сходилась с тогдашнею греческою и разнилась от московской. Недаром, конечно, многие и от самого Никона слышали, как он говорил на Москве, до своего патриаршества: «гречане де и малые России потеряли веру, и крепости и добрых нравов нет у них, покой де и честь тех прельстила, и своим де правом работают, а постоянства в них не объявилось и благочестия ни мало». Когда Никон, уже патриарх, в свой Иверский монастырь переселил из Кутеинского монастыря⁹ 30 человек малороссов иноков с их игуменом Дионисием, когорого он сделал игуменом Иверского монастыря, тогда иноки великороссы, ранее поселившиеся в Иверском монастыре, немедленно оставили его и разбрелись по другим монастырям, не желая жить вместе с малороссами, как сомнительными, на их взгляд, в деле православия и истинного благочестия. Казначей Иверского монастыря Нифонт, донося Никону об уходе из монастыря прежней братии и о поселении там кутеинских иноков, замечает: «а священника у нас в монастыре *нашея русския веры нету ни единаго* и нам помереть без покаяния», т. е. Нифонт кутеинских иноков не считал иноками «нашея русския веры» и не считал возможным ходить на исповедь к иеромонахам малороссам*. Очевидно отсюда, что, если царь Алексей Михайлович решил навсегда и прочно присоединить казацко-киевскую Русь к Москве, то церковная реформа, в смысле полного единения русской церкви с тогдашнею греческою церковью, а следовательно, и с южно-русскою, была решительно необходима, так как церковная рознь, существовавшая тогда между северною и южною Русью, непризнание малороссов строго православными со стороны москвичей, легко могло породить вражду и ненависть

* Акты Иверского монастыря, № 57.

между северною и южною Русью и сильно препятствовать их политическому объединению и слиянию в одно государство.

Царь Алексей Михайлович прекрасно был осведомлен о существовании оппозиции реформам Никона не только в среде белого приходского духовенства и черного — монастырского, но и в среде высшей церковной иерархии, т. е. в среде самих архиереев. Это последнее обстоятельство было для него особенно важно и заставляло его действовать очень осторожно, так как требовало от него, прежде всего, уничтожить оппозицию реформам Никона среди тогдашних епископов. В этих видах царь не спешил выбором нового патриарха на место Никона, хотя собор 1660 года и настаивал на этом. Алексей Михайлович хорошо понимал, что при существовавшей смуте в умах относительно церковной реформы, при всеобщей ненависти к Никону и характеру всей его деятельности, под давлением пропаганды и настояний приверженцев старины, в патриархи может попасть человек враждебный Никону и его реформе, человек, который будет стараться восстановить старые дониконовские церковные порядки, на что действительно и рассчитывали приверженцы старины. Недаром конечно Неронов в глаза говорил Никону: «что ты один не затеваешь — непрочно, другой патриарх по тебе все переделывать будет». Это действительно легко могло случиться, если бы царь решился избрать нового патриарха на место Никона, вскоре после удаления последнего с патриаршей кафедры, на чем особенно усиленно настаивал Неронов и другие противники Никона. Но царь нарочно медлил избранием нового патриарха, а в то же время ставил и выдвигал на первый план таких архиереев, которые, безусловно были преданы произведенной церковной реформе, готовы были энергично постоять за нее. К числу таких лиц принадлежали: Павел, митрополит крутицкий, Иларион, архиепископ рязанский и Иоаким, тогда архимандрит Чудова монастыря, а впоследствии патриарх. Они были главными органами, проводниками и исполнителями предначертаний государя при устройении в известном духе тогдашних церковных дел, они, как говорят современные сторонники старины, были главными потокавниками царя, ревностными исполнителями всяких царских желаний и повелений. Дьякон Федор говорит: «власти оклеветали нас царю Алексею лестными глаголы и ложными баснями заочно, понеже бо оныя власти — темныя и пестрыя¹⁰ — всегда пред царем бяху, мы же вси — страдальцы пред царем не бехом никогда же поставляеми, ни един от нас. Такоже и патриархом греческим оклеветали нас они же, наши лучшие архиереи, два лучшие отступницы: Павел крутицкий митрополит, да рязанский архиепископ Иларион, и третий Иоаким архимандрит чудовской, человекоугодницы царевы. Сии три

лукавии змии зельне цареву душу возмуцаху и на кровопролитие христианское поучаху его присно, и в прелести Никонове укрепляху его, чести ради и славы века сего». Тот же дьякон Федор говорит, что Никоновы церковные реформы окончательно утвердили на соборе не греческие патриархи, «но наши русския власти по страсти своей то учинили, стыда ради своего, и царь восхоте сему быти, понеже уже многа лета по новому его (Никона) уставу служили они вси, и новыя многия книги напечатали, и многих христиан примучили, сначала еще, и в заточение загнали, кои не приняли тех новых преданий Никоновых». И «сего ради они архиереи, и книжницы, и старцы обратитися не восхотеша на прежнее отеческое правоверие, глаголюще нам втайне и яве: аще уже нам, пастырем, и погибнути за отступление свое, а обратитися паки на первое невозможно! Все христиане укорят нас, и оплюют, и иновернии иноземцы посмеются нам, вси в России живущии! Великий государь то изволил, а мы бы и рады по старым книгам пети и служить Богу, да его, царя, не смеем прогневати, и сего ради угождаем ему; а тамо уже Бог судит, — не мы завели новое! Все сими глаголы оправдаются безумнии пастыри новыя, презирающе святаго Духа, глаголюща пророком: убояшася страха, идеже не бе страха, и: яко Бог рассыпа кости человекоугодником. Они бо, врази, — вышпереченнии человекоугодницы и душегубныя царевы потаковники: Павел митрополит крутицкий и Ларион архиепископ рязанский, не по святым правилом наскочиша на престолы архиерейския: попы убо быша в мире. Святая же правила постригшемуся попу не повелевают священствовати, не токмо архиерействовати, и святой Афанасий Великий измещет таковых презорцов¹¹: и те убо два законопреступные архиереи утвердили все никонианство, по хотению цареву; а прочие все власти нехотя последовали им, славы ради и чести временныя: возлюбиша бо славу человеческую, нежели славу Божию». Про Иоакима чудовского архимандрита, а потом патриарха, Федор рассказывает, что царь, после многих искательств Иоакима, всячески стремившегося занять видное положение, «разуме его угодна быти себе, и приказа его испытати Михаилу Ртищеву, которыя он (Иоаким) держитися веры — старыя или новыя. Михаил же исповеда его тамо у себе о всем. Яким же сказа ему: аз де, государь, не знаю ни старыя веры, ни новыя, но что велят начальницы, то и готов творити и слушать их во всем. И Михаил сказал се царю. И посем поставили в Чудов монастырь архимандритом на Павлово место, — пришел вор на вора, а вси на Бога! Павла же поставили митрополитом на Крутицы, пасти ветры¹². И всех бо, елицех ставили при мне во власти, и пестрыя и черныя, со отречением: аще кой чернец отречется дрянного благочестия церковнаго всего и примет новое все

никоново, того и поставят во власти будана. Аз бо, грешный Федор дьякон, всему тому самозритель». Федор же рассказывает, что пред собором 1666 года к митрополиту крутицкому Павлу «во двор собирахуся все архиереи, и книжницы, и старцы, якоже, к Каиафе древле на Господа нашего Исуса Христа, советующе лукавая, како бо убити Его, — тако же и на нас у него. Ему бо единому — Павлику и второму Иоакиму сказа царь тайну сердца своего, а они и прочих всех властей уже освоеваху, и утверждаху всех в новинах стояти, а древнее предание все презирати и не во что же вменяти, а не хулити бы явно при нас». В частности, про Иоакима, когда он уже сделался патриархом, Федор говорит: «патриархЯким, отступник отеческаго предания и паршивый пастырь не восхоте тому (старому) быти, и приказал по новому вся творити, стыда ради своего: понеже на соборици том лучший сват бысть, всякия от царя ответы и лести, и страхи и ласки, и прещения и моления и обличения на новыя бл... и относил»*.

Таким образом, по свидетельству тогдашних защитников старины, очевидцев происходивших событий, Алексей Михайлович единолично, после оставления Никоном патриаршей кафедры, управляя церковью, проводил свои планы в церковных делах строго систематически и настойчиво: о всех кандидатах на высшие и влиятельные церковные должности он производил предварительные справки, — за новое или за старое они стоят, и давал места только тем лицам, которые заявляли себя решительными сторонниками и приверженцами никоновских реформ, благодаря чему постепенно происходил, при занятии высших церковных должностей, систематический подбор лиц строго определенного направления, от которых царь уже не мог ожидать противодействия в признании совершенных церковных реформ. Главными органами в проведении и укреплении этих реформ царь сделал, по единогласному свидетельству современников, Павла митрополита Крутицкого, Илариона архиепископа Рязанского и чудовского архимандрита Иоакима, которые во всем исполняли волю и желания царя, воздействовали в известном направлении на всех остальных архиереев, так что последние шли уже за этими тремя лицами. Впрочем, царю и его ближайшим креатурам очень нетрудно было уничтожить оппозицию реформам Никона среди тогдашних архиереев.

Дело тут заключалось в следующем: начальная оппозиция архиереев реформам Никона главным образом основывалось на их нерасположении и вражде лично к Никону, который не хотел признавать подчиненных ему архиереев своими братьями, чрезмерно возвышался

* Материалы по истории раскола. VI, 195, 199–201, 221, 228–229, 234.

над ними, обращался с ними гордо, надменно и даже очень грубо. Свое нерасположение лично к Никону архиереи естественно переносили и на его реформы, которые, казалось им, были только произведением личного самочиния и высокоумия Никона, пренебрегавшего советами и указаниями своих собратий — архиереев, и не терпевшего с их стороны ни малейшего противоречия себе. Стараясь повредить и дискредитировать деятельность своего угнетателя, иерархи нападали и на реформы Никона, так как в их представлении Никон и реформы сливались в одно. Но когда они уверились, что Никон уже не будет более их патриархом, то есть тяжелым, грозным начальником, когда они убедились, что за церковные реформы твердо стоит сам царь и доверенные и особенно близкие ему иерархи Павел и Иларион, тогда они стали реформы Никона отделять от его личности, стали порицать лично Никона, но уже не порицали его реформ.

С другой стороны. Если из нерасположения лично к Никону, из желания добиться его конечного низвержения, наши иерархи враждебно отнеслись к самой церковной реформе Никона, старались отказаться от всякой солидарности с ней, то все таки они не могли отвергнуть того несомненного и очевидного для всех факта, что Никон как церковный реформатор действовал, опираясь на соборные одобрения, каким бы образом они ни получались. В виду этого, если бы присутствовавшие на соборах при Никоне архиереи захотели решительно отказаться от реформ Никона и признать их для церкви неприемлемыми, то им тогда пришлось бы торжественно и публично признаться, что присутствуя на соборах при Никоне и решая на них важные по тому времени церковные вопросы, они высказывали на соборах не свои искренние настоящие мнения и убеждения, а только то, что считали приятным всемогущему и грозному патриарху; они тогда должны были бы открыто сознаться, что для них личное их положение, различные материальные выгоды, соединенные с положением архиерея, личное спокойствие и безопасность, гораздо важнее и ценнее самых дорогих и священных интересов церкви и паствы, что они не истинные пастыри, а только трусливые, эгоистичные наемники. Это было бы тем более справедливо, что истинные пастыри, с самого начала ставшие за святую старину, смело и безбоязненно высказывали прямо в глаза Никону свой отрицательный взгляд на его реформы, смело обличали его и боролись с ним, мужественно терпели за свои убеждения разные преследования, ссылки, казни. В виду указанных обстоятельств архиереи волей-неволей должны были в конце признать свою солидарность с церковно-реформаторскою деятельностью Никона, оправдывать ее, как законную и полезную для церкви, так как противоположное решение вопроса окончательно

сгубило бы в мнении общества их архипастырский авторитет и вызвало бы в церковных делах еще большую смуту и шаткость. Протопоп Аввакум говорит: «а никониане забрели во глубину зол за стыд свой; о совестьми теми бодоми¹³, яко жидовя, ведают, что своровали над церковию. Бывает то, яко и не ради тому, за совесть стало, — невозможно стало покинуть дондеже извод возмет»¹⁴. То же утверждает дьякон Федор. Он говорит: «Никона убо изгнали, а ново собранныя развратныя его уставы и чины и новыя книги вся утвердили. И се не греческие патриархисовершили, но наши русские власти по страсти своей то учинили, стыда ради своего, а царь восхоте сему бытии». Дьякон Федор даже утверждает, что будто бы сами архиереи ему лично говорили, что они, по совести и убеждению, готовы служить по старым книгам, и не делают этого единственно ради царя. Он заявляет: «сказа ми Павел архиерей правду свою в крестовой патриаршей, пряся со мною¹⁵, тихо и к слову некоему сказав, рече ми: и мы, диаконе, знаем, яко старое благочестие церковное все право и свято, и книги непорочны; да нам бы царя оправить, того ради мы за новыя книги стоим, утешая его... Великий государь то изволил, а мы бы и ради по старым книгам пети и служити Богу, да его, царя, не смеем прогневати, и сего ради угождаем ему: а за то уже Бог судит, — не мы завели новое»*.

Много помогли и сами защитники старины и ярые борцы за нее тому обстоятельству, что все, даже колеблющиеся тогдашние архиереи, очень скоро самым решительным образом и окончательно стали на сторону реформы Никона, всячески стали настаивать на ее церковном признании и обязательности для всех, и в то же время решительно отрицательно отнеслись ко всем сторонникам и защитникам до-никоновской церковной старины, как к врагам и ругателям всей церковной иерархии и самой православной вселенской церкви.

Противники Никона — реформатора, признавая реформы только личным делом Никона, и всячески нападая на него как врага и развратителя русской правой веры и истинного благочестия, в то же время вместе с Никоном нападали и на всех тогдашних архиереев, осыпая их всевозможными ругательствами и оскорблениями, всячески издеваясь над ними, презрительно не признавая их за истинных, настоящих архипастырей церкви. Протопоп Аввакум, например, обращается к царю с такою речью: «я, бедной, тебе ворчу, — архиереи же не помогают мне, злодеи, но токмо потакают лише тебе: жги, государь, христиан тех; а нам как прикажешь, так мы в церкви и поем; во всем тебе, государю, не противны; хотя медведя дай нам в алтарь, и мы

* Материалы по истории раскола. VIII, 17; VI, 199–200, 233–238.

рады тебя, государя, тешить, лише нам погребы давай, да кормы с дворца. Да, право, так. Не лгу». Он же презрительно-насмешливо говорит про современных архиереев: «а то малое-ли дело, Богом преданное скидали с голов¹⁶, и волосы расчесав, чтобы бабы блудницы любили их, выставляя рожу всю, да препояшется по титкам, воздевши на себя широкий жупан! Так ли то святии предали смирения образ носить?.. Или ты чаешь, потому святы нынешние законоположники — власти, что брюха-те у них толсты, что у коров: да о небесных тайнах не смыслят, понеже живут по скотски и всякому беззаконию ползки». Или, например, он восклицает: «ох, воры, бл...ы дети! Каковы митрополиты и архиепископы, таковы и попы наставлены». Лазарь¹⁷ упрекает царя, что он боится клятвы «студных и мерзких архиереев и иереев». Дьякон Федор заявляет царю: «ей, государь царь православный, аще бы не твоя хриstopодобная к нам кротость и отеческия щедроты, давно бы пастыри и кости наши измождали, возмущаючи твою царскую душу». Иллюстрируя эту свою мысль, Федор рисует такую картину: некоторым главнейшим противникам никоновской реформы, между прочими и самому Федору, вырезали языки, но Господь чудесно снова возвратил им дар речи. Тогда архиереи, повествует Федор, «умыслиша **иноков** на нашу кровь грешную, лютейше перваго сугубо, еже бы не быти живым нам. И приидоша к царю и начаша жалобу творити на тех, братию нашу о Христе, благочестия поборников, и на нас клеветали ему, глаголюще: развратники-де, государь, изгнанныя и осужденныя от нас, пишут к Москве людем многим и хвастают, после казни будто им паки Христос дал языки иныя, и говорить попрежнему ясно. Царь же рече им: слышах и аз о том. Тии ясе кровососы¹⁸ начаша роптати и клятися пред царем, и широкими ризами потрясати, и колокольчиками, яко сучьки плясовыя, позвякивати, и глаголати царю лестныя глаголы: никакo, государь тишайший, нестатное то дело, еже Христу дати им языки после нашея клятвы, — ни государь, лгут, или мало им отрезали уже то! И сего ради, говорят, пошли, государь, паки нарошно к ним, врагом нашим, и повели при всем народе до основания вырезати языки у них, и по руце отсеци, за Христово то их знамение крестное, и мы в то время услышим и правду их узнаем: даст-ли им Христос, Сын Божий, языки — те, и как-то станут говорить паки и паки! Царь же рече им: батки, суть не устать казнить-то; да боюся Бога! была уже им казнь, — и духовная ваша, и наша градская! Они же, темныя власти, яко же жидовстии архиереи рекоша Пилату о Христе, тако и они о нас: кровь их на нас, государь, и на чадах наших! не подобает уже им противником быти и живым! К сему же иную злую казнь возвели на ны в то же время они, лукавыя змии, будто мы послания писали на Дон

к казаком и мир весь восколебали¹⁹. И тем они, лестцы, возмутили паче цареву душу на ны, еже бы чем пригнати нас к смерти. Царь же поверил им, послуша их, и повеле на Москве тех рабов Христовых хватати, и в темницы такоже сажати, и за караул передавати и мучити всяко. К нам же, в Пустозерье, посла полуголову Полтева, приказу Ивана Елагина, и повеле нам паки языки вырезать до основания²⁰ последнего и по руце отсеци. Пригнав же скоро полуголова, и сотвори нам тако при всем народе, и к болезни язв наших приложиша болезни, и к ранам раны нам прибавиша смертныя. Аще бы не Господь помог нам паки — в то время лютое, смертное, невозможно бы нам уже и дыхати, и причинати²¹. Праведный же судия и сердцеведец, Христос истинный Бог наш, хотя лестное их умышлениепосрамити, и прелесть никониянскую и козни их обличити, преславная сотвори о нас, рабех своих, и в том же часе по казни той даде нам паки глаголати ясно, и раны вскоре исцели, яко всем людям дивитися и славити Бога о бывшем чудеси». Инок Авраамий говорит о тогдашних архиереях: «беднии епископи руки свои приложиша к Никонову мудрованию, мню, яко не хотяше лишитися чести маловременные и за церковь Христову пострадати любоплотски, или яко пси немии не могуще лаяти на еретика: аможе он, яко слепых водяше, туды в путь и идяху, и ни в чем не супротивляхуся, яко скоти безсловеснии; нехотящихжеся с ними отторгнутыя от догмат православия, таковых на муки различныя предающе и вместо учительства мучительства сан на себе восприимше. И воистину збытся писание, яко пастырие века сего волцы быша». Подобно Федору Авраамий тоже утверждает, что все жестокости против защитников старины исходят от архиереев. «Воистинну, Государь, пишет он, власти, паче того богоотступнаго Никона, правоверных христиан люто озлобляют, а православную веру до конца истребляют, или реци, яко и всю искоренили. И таковым злым своим советом и правлением лукавым и тебя, государя, на гнев привели, еже оскорбляти страдальцев, языки резати, дабы не глаголали о истине, и руце отсекати, дабы не писали на прелесть их обличительных словес от божественных писаний; многих и в струбах сожигали...»*.

По мнению защитников старины не только русские архиереи перестали быть настоящими, истинными пастырями, но и вся русская церковь перестала быть истинною православною церковью, и в мире наступают времена антихриста. Эту общую всем им мысль дьякон Федор выражает так: «на месте святем мерзость запустения стояти будет, по Христову словеси и по Даниилу речению пророчю,

* Матер. VIII, 48. V, 288. IV, 253. VI, 30, 223–225. VII, 77, 78, 262, 360.

сиречь²²: священство покупное и скверное будет стояти в алтарех церковных, и крайние самые архиереи яко повапленные²³ болваны будут, глупы и неучительны, и на всякое дело благо не искусны, точию бо на творение пиров, и на составление медов и прочих питий благовонных, и на собрание богатства тщательны будут и на блуд лакомы. Поставляемые же от них попы и диаконы ометие²⁴ человеческое будут, ни к чему же годны и пусты всякаго блага, токмо бо на соблазн миру и на погибель душевную и на всяко зло потаковники будут, и людем простым научиться и вопрошати о пользе душевней не от кого будет, яко слепец слепца аще водит, и оба в яму упадут... Тако бо и ныне есть и будет в скончание века сего»*.

Наконец, защитники старины, при малейшей к тому возможности, смело стремились вмешиваться в самое церковное управление, влиять на него в тех видах, чтобы придать всему течению церковных дел то направление, какое соответствовало их воззрениям, вкусам и желаниям. Протопопа Аввакума, по возвращении его из Даур, встретили в Москве — царь, бояре и многие знатные лица, очень ласково и даже с почетом, как пострадавшего от суровости Никона. По поводу такого приема в Москве Аввакум возмнил, что Никон с его реформами уже осужден безвозвратно, что в Москве начинается поворот к старым до никоновским порядкам, и что он, Аввакум, призван содействовать скорейшему возвращению к старине, почему он и спешит подать от себя государю «Роспись, хто в которые во владыки годятца». Сам Аввакум указывает на эту роспись в своей второй челобитной царю. Он пишет: «грех ради моих и ныне скорбь к скорби постиже мя, мню, маленькова ради моего моленьица к тебе, великому государю, о духовных властех, их же и нужно тебе, великому государю, снискать, истинных молитвенников за тя к Богу и праве исправить могущих благочестия ради Духа пресвятаго благодати, живущей в них». Из челобитной Неронова государю, от 6 декабря 1664 года, мы узнаем и о некоторых лицах, которые значились в упомянутой росписи Аввакума. Неронов пишет: «оклеветали ево (Аввакума) тебе великому государю, власти, гневаяся на него, что он тебе, великому государю, подал моленийцо о Сергии Салтыкове (бывший строитель Безюкова монастыря)²⁵ и о Никаноре (бывший Саввинский архимандрит)²⁶, а после один из главных руководителей соловецкого бунта) и о иных ко жребию святительскаго чина, и рьяся за то²⁷, составили ложь, будто он, протопоп, ходячи по улицам и по стогнам градским, развращает народы, уча, чтоб к церквам Божиим не приходили»***.

* Матер. VI, 185–186.

*** Матер. V, 136. I, 198.

В виду всех указанных обстоятельств, тогдашним архиереям, которые сами официально уже давно служили по новоисправленным книгам, крестились тремя, а не двумя перстами и вообще держали весь Никонот исправленный церковный чин и обряд, и на которых, ради этого, вместе с Никонот, подало обвинение со стороны старообрядцев в неправослави, в развращении правой веры и истинного благочестия, — приходилось выбирать одно из двух: или отказаться от реформ Никона и этим признать, что русская церковь в течении нескольких лет, вследствие новшеств Никона, действительно не была строго православною, а они настоящими строго православными епископами, им пришлось бы признать, что не они — высшие иерархи церкви, а Аввакум, Лазарь, Федор, и им подобные, в действительности были единственными верными хранителями, мужественными поборниками и защитниками православия и что им, вследствие этого, по праву и справедливости должно принадлежать действительное высшее руководство делами веры и благочестия. Или же архиереям приходилось признать законность и правильность реформ Никона, и противление им — за проявление самочиния, невежества и непонимания со стороны неразумных ревнителей старины. Естественно, что архиереи избрали последний выход, тем более, что этого желал царь, а желание царя всегда было для них законом, которому они безусловно подчинялись.

Тем не менее, царь Алексей Михайлович и теперь действовал с величайшею осторожностью и предусмотрительностью. Он решил, еще до открытия собора, иметь в своих руках такой строго официальный акт, который бы делал невозможным малейшую попытку со стороны членов собора воспротивиться признанию и окончательному утверждению церковной реформы Никона. И он вполне достиг этой цели. 29 апреля 1666 года царь пригласил на собор в Москву всех русских архиереев и настоятелей важнейших монастырей. Но прежде открытия собора Алексей Михайлович устроит предварительное предсоборное присутствие из архиереев и приглашенных настоятелей монастырей и делает им предложение, чтобы каждый из них письменно, за собственноручною подписью, дал ответы на следующие три вопроса *«первое:* как нам долженствует исповедати святейших греческих патриархов: константинопольскаго, александрийскаго, антаохийскаго и иерусалимскаго, аще они православии суть? *Второе:* книги греческия печатныя и древния рукописныя, иже святейшие греческие патриархи употребляют и по ним все славословие Божие исполняют, и чины церковныя, како исповедати долженствуем? *Третье:* собор, бывый в богоспасаемом, преименитом, царствующем, великом граде Москве, при

благочестивейшем и богохранимом государе нашем царе и великом князе Алексее Михайловиче, всея великия и малыя и белыя России самодержце, и при святейшем Никоне патриархе, и царскаго пресветлаго величества при всем его синклите, подписанный священными руками, как исповедати ныне нам долженствует, иже содеяся в царских палатах в лето от создания мира 7162, от по плоти рождества Господа и Бога и Спаса нашего Иисуса Христа в лето 1654-е? » Понятно само собою, что все находившиеся в предсоборном собрании архиереи, архимандриты и игумены прекрасно знали, какой ответ на поставленные вопросы желает получить царь, и что иного ответа, несогласного с желанием царя, им дать невозможно, тем более что каждый из них должен был дать свой письменный ответ в отдельности от других, за своею собственноручною подписью. Кроме того, относительно некоторых членов предсоборного собрания заранее было известно, что они напишут свои ответы согласно желанию государя, почему, при таких условиях, охотников проявлять свое несогласие с царем конечно не нашлось. Вследствие этого все важнейшие члены собора; *еще за два месяца до соборных заседаний*, уже дали государю, каждый в отдельности, письменное заявление, что тогдашних греческих патриархов, их печатные и рукописные книги, они признают вполне православными, точно также и собор 1654 года, решивший произвести у нас церковную реформу, признают настоящим собором, а его постановления для себя обязательными. Следовательно, еще до открытия собора его члены уже письменно выразили полное свое согласие на признание правильности всей произведенной Никоном реформы*.

Обеспечив, еще до открытия собора, признание никоновских церковных реформ голосами всех важнейших членов будущего собора, Алексей Михайлович обратил внимание и на другую не менее важную сторону дела: на тех лиц, которые открыто и решительно заявляли себя доселе непримиримыми врагами никоновских реформ. Относительно их царь Алексей Михайлович держался совершенно иной тактики, чем патриарх Никон. Последний проводил реформы, только опираясь на свою громадную власть, на тот страх, который он внушал всем, на те суровые насильственные меры, какие он употреблял против всех, кто был не согласен с ним и противился ему. Но запрещения, лишения сана, ссылки, заточения и казни, которые Никон пускал в ход против своих противников, никого, конечно, не убеждали в правоте его реформ и нисколько не уничтожали оппозиции, напротив, — она все более усиливалась и разрасталась.

* Матер. II, 35.

Очевидно для ее уничтожения, или, по крайней мере, ослабления, нужны были другие меры. Это хорошо понял Алексей Михайлович. Уже по своему сравнительно мягкому и благодушному характеру Алексей Михайлович не мог быть сторонником одних только крутых и насильственных мер, какие практиковал Никон, — он несомненно, не одобрял их, хотя и не противодействовал в этом Никону, считая его единственно правомочным и вместе единственно ответственным за все меры, какие он, будучи патриархом, находил нужным предпринимать в церковных делах. Что Алексей Михайлович далеко не всегда сочувствовал и одобрял крутые меры и расправы Никона с его противниками, это, между прочим, видно из следующего: когда Никон сослал Неронова в Спасо-Каменный монастырь²⁸, царь поддерживал сношения с ссыльным протопопом чрез своего духовника — Стефана Вонифатьевича и всячески старался примирить Неронова с Никоном. Когда Неронов, по совету Стефана, с согласия и разрешения государя, постригся тайно в монахи, он целые сорок дней после этого проживал тайно, рядом с Никоном²⁹, у Стефана, о чем хорошо знал и царь. Но он не выдал Неронова Никону, который всюду разыскивал его, и не мог найти, не подозревая, что Неронов живет рядом с ним и что об этом хорошо знает царь, который даже приказал освободить двух работников Неронова, арестованных было Никоном. Конечно, по желанию и с одобрения царя Неронов пошел на примирение с Никоном, которое, к удовольствию царя, наконец, и состоялось. Тактику — умиротворять и примирять, а не раздражать и ожесточать, Алексей Михайлович пытался приложить, как мы видели, и в своих отношениях к протопопу Аввакуму. Он нарочно вызвал его из Сибири в Москву, где встретил его с честью, оказывал ему свое особое внимание и ласку, а в то же время настоятельно требовал от него, чтобы Аввакум, по крайней мере, открыто и публично, не восставал против новых церковных порядков и не восстанавливал против них других. Аввакум не выполнил этого требования царя и потому должен был отправиться в ссылку на Мезень. Но и теперь царь не оставил мысли примирить Аввакума с церковью. С этой целью, пред собором 1666 года, Аввакум заранее привезен был из ссылки в Москву и поселен в Боровском Калужском монастыре³⁰. Царь посылал сюда разных лиц уговаривать и убеждать Аввакума примириться с церковью на почве признания церковных реформ Никона. Царь даже шел, будто бы, на какие-то уступки, лишь бы только примирить Аввакума с церковью. По крайней мере, по рассказу последнего, царь присылал к нему говорить от его лица: «пожалуй-де послушай меня (государя): соединишь со вселенскими теми хотя не большим

чем». Кроме Аввакума в Москву были вызваны и другие известные сторонники и защитники церковной старины для предварительных увещаний и уговоров, в видах примирения их с новыми церковными порядками. Архиереям и другим лицам, которые должны были вести собеседования и увещания с приверженцами церковной старины, дана была инструкция действовать только убеждением, уговорами, ласкою, никак не раздражать и не обижать защитников старины, и, особенно, не хулить пред ними старопечатных книг и прежних церковных обычаев. Дьякон Федор, который также призывался для увещаний, рассказывает про себя: когда царь, в 1666 году, разослал всем властям приглашение явиться на собор, то, говорит Федор, «мне же, между съездом их, многие поставки были, и распросы, и ласкания, и уговоры от Павла митрополита, *по приказу цареву*, во дворе его, и в соборной церкви, и патриаршей крестовой, дабы аз приложился к соборищу их, и приял бы вся новыя книги, и ничего бы в них не хулил. И мне не восхотесе последовати отступлению их». Затем рассказывая, что у крутицкого митрополита Павла собирались все съехавшиеся на собор архиереи и что на эти архиерейские собрания призывали и его — дьякона Федора для уговоров и увещаний, он повествует: «вопрошахом же мы их всех купно архиереев и всего собора их: православны-ли быша прежние цари наши московския, и великия князи, и святейшие патриархи и митрополиты, и архиепископы, прочия вси святители русския, и при них рукописныя и печатныя книги церковныя вся правы-ли суть и непорочны? Отвещаху они вси нам воедино слово, яко вси прежнии цари и великия князи, и святейшия патриархи и святители православии быша, и при них рукописныя и печатныя книги вся правы и непорочны суть, — их мы не хулим. Тако сказовали нам, яко правы старыя книги и не хулим их, а не стоят за них, и в руке свои взять не хотят их: а инии и хотят взять их, но не смеют и боятся начальных отступников. И тако их змийлукавый опутал всех страхом земным и самолюбием века сего, и отторже их от истины». Современный событиям составитель жития боярыни Морозовой рассказывает, что Павел митрополит крутицкий и Иоаким чудовский архимандрит пытались, по приказу государя, кроткими мерами подействовать на Морозову: «Павел митрополит начать ей глаголати тихо, воспоминая ее честь и породу: и сие тебе сотвориша старцы и старицы, прельстившия тя, с ними же любовне видалася еси и слушалася учения их, и доведоша тя до сего безчестия, еже приведене быти честности твоей на судище. Потом же многими словами кротяще ю увещеваху, яко да покорится цареви. И красоту сына ее воспоминаху, яко да помилует его и да не сотворить

дому его разорену быти своим прекословием. Она же противу всех их словес даяше им пред боляры ответы... Митрополит спрашивал еще: и како убо ты о нас всех мыслиши, — еда вси еретицы есмы? Она же отвеща: понеже он, враг Божий Никон, своими ересьми яко блевотиною наблевал, а вы ныне то осквернение его полизаете, и посему яве, яко подобии ему есте. Тогда Павел возопи вельми, глаголя: о что имамы сотворите? Се всех нас еретиками называет... И бысть ей прения с ними от второго часа нощи до десятаго». Инок Авраамий о бывших ему увещаниях рассказывает: «нача ми говорити рязанской архиепископ Иларион: «как, бедной Аврамей, дело Божие творите без страха! Уже у вас соборная апостольская церковь не церковь, таинство не таинство, архиереи не архиереи, вера православная христианская не вера! Приди, братец Аврамей, в разум! И паки рече еще: тебя брата исповедую себе, аще приидеш в разум и истину познаешь. Прииди, брате Авраме, в разум и помилуй сам себя! Престани прекословити архиереом, хотящим тебя видети во истине и о спасении твоем пекущимся. Да и сие, брате Аврамей, помысли: мы сами себе хотим-ли погибели?» Во время этих увещаний и прений архиереи указывали ревнителям старины, откуда собственно происходит их противление никоновской реформе и всяким вообще новшеством: «а вы, брате Аврамей, говорил архиепископ Иларион, конечно за неведение погибаете. Не учася риторства³¹, ни философства, ниже граматического здраваго разума стяжали есте, а начнете говорить выше ума своего»*.

Иногда увещания архиереями защитников старины переходили в горячие прения с ними, которые, вследствие несдержанности спорящих, взаимных резких обличений в неправославии, принимали довольно бурный характер. Так протопоп Аввакум свои прения с увещевавшими его митрополитом крутицким Павлом и архиепископом рязанским Иларионом характеризует таким заявлением, что он «с кобелями теми грызся; яко гончая собака с борзыми — с Павлом и Илларионом». Иногда и сами увещатели иерархи, в виду резко-обидных заявлений увещаемых, не выдерживали до конца своей умиротворяющей роли, приходили в крайне возбужденное и гневное состояние и пускали в ход, относительно увещаемых, кулачную расправу. Инок Авраамий, вызванный для увещаний в предсоборную комиссию, изображает такую характерную картину бывших ему увещаний: Авраамий стал говорить крутицкому митрополиту Павлу, что в России теперь велят всем учиться новой вере, о какой ранее и не слыхали, а прежнюю православную веру уже считают не правой

* Матер. V, 81. VI, 235. VIII, 164–166. VII, 394–395.

и что, значит, теперь следует всем, не исключая самих архиереев, креститься вновь в эту новую веру, так как старое крещение более уже недействительно. «И сие мое рассуждение, говорит Авраамий, Павлу митрополиту зело полюбилося: не усидел на месте своем, и востав прииде ко мне, и любезно ми от своего смирения почал подавать благословение — взем мя левою своею рукою за бороду и нача браду мою крепко держати, паче же и терзати. И сие творя святитель, болезвуя о мне, исповедал брады моя, крепка ли есть, что бы было за что держати, егда станет десницею своею благословлять; ведая сие крепкое благословение, сего ради держа мя, что бы не пошатился от его благословения, и о помост палатный не ушибся. Егда исповедал браду мою, начал десницею своею по ланитам моим довольно мя благословляти, да и по носу довольно мя благословил. А приговаривал, благословляя, сице: за крещение свое я стану, — я крестился крещением, что Никон патриарх на соборе с архиереи исправил. И зело распаялся на меня яростию, и збил с главы моя клобук и камилавку на пол, простовласа вода мя по палате за бороду, говорил сице: скажи, что разньство в старом и новом крещении? Аз же рех ему: не бранитися аз с вами zde приидох: довольно ми есть твоего благословения и сие ми любезно есть. И радуяся сердцем и лицом улыскаюся, рех ему: припамятуй владыко, что писано в святых правилех: иерей, бия верна и неверна, извержется. Кольми паче архиерею должно смирение имети, не яко обладающе причтом, но яко образ стаду бывающе. Он же глагола ми: несть ми в сем порока, — я хочу тебя, врага довольно бити, яко Николай Ария еретика³². Прочия же власти, вологодской и чудовской, якобы устыдилися и говорили с тихостию Павлу митрополиту, что бы престал от дерзости», и Павел действительно прекратил, наконец, свою дикую расправу с увещаемым. Когда недели через две Авраамия вновь поставили пред увещательной комиссией, в которой находился теперь и рязанский архиепископ Иларион, последний старался подействовать на Авраамия ласкою и убеждением, называл его своим братом и, в видах несколько оправдать пред ним поведение Павла митрополита, во время предшествующего увещания, говорил ему: «ты, прекословя истине, архиерея прогневал. Да и о семь зазираешь архиереом, что за твое прекословие дерзнул рукою. А Господь наш непокоривых бил, нам образ показал, егда бич сотворил от вервии, изгнал купующих³³ из церкви», т. е. Иларион признал, что архиерей, будто бы по примеру самого Христа, может и в праве, в известных случаях, прибегать к личной кулачной расправе с человеком, прогнавшим архиерея своим противлением истине*.

* Матер. VII, 391–394.

Таким образом, прежде чем открыть собор, который должен был заняться окончательным устройством и приведением в порядок всех церковных дел, царь Алексей Михайлович предпринял предварительные меры, что бы на соборе церковные реформы Никона были признаны правыми, для всех обязательными, и чтобы противящиеся им были доведены до сознания необходимости признать их. С этой целью Алексей Михайлович, с одной стороны, еще до созыва собора уничтожил всякую возможную оппозицию реформам Никона среди архиереев и других членов собора; с другой стороны — путем настойчивых увещаний и убеждений важнейших защитников церковной старины, старался подготовить почву к окончательному уничтожению на соборе всякого противодействия с их стороны новым церковным порядкам. И только предприняв эти предварительные меры, царь 29 апреля 1666 года открыл собор.

Прежде чем говорить о деяниях собора 1666 года, мы должны сделать о нем несколько предварительных замечаний, которые помогут нам лучше разобраться в ходе последующих событий.

Подлинных записей о деяниях собора 29 апреля 1666 года до нас не дошло, а дошла только их литературная обработка, сделанная, по поручению государя, известным тогдашним ученым, выходцем юго-западной Руси, — старцем Симеоном Полоцким. Полоцкий, при обработке соборного материала, относился к нему довольно свободно и даже вносил в соборные деяния и нечто свое личное. Так он приделал к соборным деяниям сочиненное им вступление, совершенно бессодержательное, не имеющее никакой исторической ценности и к делу прямо не относящееся, — обычный продукт тогдашнего пустого красноречия. Затем. Вместо подлинной речи царя к собору, поместил в деяниях речь своего собственного сочинения. То же он сделал и с речью митрополита Питирима, которую тот говорил от лица собора в ответ на речь царя. Причем сам Полоцкий в своих соборных деяниях делает такие простодушные пометы: «Слово великаго государя ко освященному собору. Зде написать речь великаго государя, или, доложив его, великаго государя, сию последующую» и действительно затем в деяниях помещает речь своего сочинения. Или им надписано: «здесь речь преосвященного митрополиты (т. е. Питирима) написати, или, вместо ее, сей ответ» и помещает далее ответ им самим составленный. Иногда Полоцкий в своих деяниях совсем опускал целые соборные заседания с происходившими на них прениями по очень важным вопросам. Так, на соборе 1666–1667 года, в течение нескольких заседаний, происходили очень характерные и горячие прения о власти царской и патриаршей в их взаимных отношениях. Между тем в деяниях

Полоцкого мы не находим и намека на эти заседания и прения, как будто в действительности их вовсе и не было, хотя с ними нас подробно знакомит другой достоверный современный источник. К соборным деяниям Полоцкий относит и такие события, которые не были собственно соборными деяниями, а только предшествовали им, как предварительные предсоборные действия. Так, например, его первое соборное деяние, в котором описывается, как собравшиеся на собор архиереи, прежде чем приступить к рассмотрению каких либо дел, решили наперед «соиспытатися и совзыскати», как сами они, архиереи, смотрят на греческих патриархов, на греческие книги и на новоисправленные с них русские, на бывший при Никоне собор 1654 года³⁴, — не было в действительности соборным деянием, а предварительным предсоборным актом, устроенным по приказанию государя, для уничтожения всякой возможности со стороны архиереев проявить на соборе какое либо противодействие признанию никоновской реформы. Свои письменные заявления по указанным вопросам все архиереи уже подали в феврале, между тем как собор был открыт только 29 апреля. Некоторые бывшие на соборе события протекали в течение двух заседаний, а в деяниях Полоцкого они представлены происходящими в одном заседании; или: что происходило несколько позже, у него поставлено ранее и наоборот. Даже хронологические данные, когда происходило то или другое заседание, у него почти совсем отсутствуют. Но что самое главное и существенное: Полоцкий два совершенно различных собора слил в своих деяниях в один и описал их деяния, как деяния одного собора. Между тем в действительности у нас было в 1666 году не один, а два совершенно различных собора: первый был открыт 29 апреля, а закрыт, судя по дате на соборном наставлении, не позже 2-го июля. Второй собор того же года был открыт 29 ноября т. е. чрез пять месяцев после закрытия первого и продолжался потом в 1667 году. Эти два собора были существенно различны между собою не только по времени, но еще — прежде всего: по самому составу своих членов. Собор открытый 29 апреля 1666 года состоял исключительно из одних русских архиереев. Между тем Полоцкий в своих деяниях говорит, что в феврале 1666 года собрались «в царствующий и богоспасаемый град Москву, на святой собор, преосвященнии архиереи благочестивыя великороссийския державы и иностраннии, в то время прилучившиися в царствующем граде Москве». В действительности же, хотя в то время в Москве были иностранные митрополиты: сербский Феодосий, газский Паисий Лигарид, иконийский Афанайи амасийский Козьма³⁵, но ни один из них не был приглашен на собор, открывшийся 29 апреля, и ни один из них

не присутствовал и не принимал в его деяниях никакого участия, в чем ясно удостоверяют сохранившиеся под соборными деяниями подписи присутствовавших на соборе архиереев, между которыми нет ни одной подписи иностранных архиереев, что было бы невозможно, если бы они присутствовали на соборных заседаниях. Да это и понятно. На соборе 1666 года, 29 апреля, занимались только допросом и увещаниями отдельных защитников старины и решением чисто местных вопросов относительно церковного благочиния. Очевидно иностранцы, вследствие незнания ими русского языка, были на таком чисто русском соборе совсем не нужны и бесполезны, не говоря уже о том, что русское правительство сначала имело в виду бороться с местными беспорядками русской церковной жизни своими собственными домашними силами и средствами, не прибегая пока к помощи иностранцев. Наконец собор 29 апреля не только составом своих членов отличался от собора, открытого 29 ноября, но и по самому характеру своих решений и поставлений, как это мы увидим ниже, почему и с этой стороны указанные два собора никак не следует смешивать и соединять в один собор, а нужно их рассматривать как два отдельные самостоятельные собора.

29 апреля 1666 года царь открыл собор, состоявший исключительно из одних русских архиереев, речью к отцам собора, в которой он изображал плачевное состояние тогдашних церковных дел и всего положения церкви, и приглашал отцов собора ревностно потрудиться к искоренению возникшего зла и к водворению прочных церковных порядков. Указывая на возникающий в русской церкви раскол, царь говорил: «уже богохульное их (противников церкви) плодоношение не точию по различных царствия, Богом нам врученного, странах, градех же и весех, обносится, но и в самый сей град престола нашего вомчеса, даже и нашими в свитцех рукама, в словесех же ушесома³⁶, прикоснутися. Яже услышавше мы и прочетше, абие богонаставлением познахом диаволе быти семя, сичевыя хулы содержащее: яко нынешняя церковь несть церковь, тайны божественные не тайны, крещение не крещение, архиереи не архиереи, писания лестна, учение неправедное и вся скверна и не благочестна. Им же душеубийственным злоплодием мнози скудноумнии повреждошася, аки вне ума бывша, заблудиша от церкви в новопрозьябшая сонмища, крещение отложиша, грехов своих иереом Божиим не исповедаша, тайнам животворящим не причащахуся, вкратце рекше, веема от церкви и от Бога отчудишася». Нарисовав такую печальную картину тогдашнего состояния русской церкви, царь обращается с увещанием архиереев, чтобы они позаботились и порадили очистить Божию ниву от злых диавольских плевел. «Молим убо вы

и увещеваем, говорил царь, яко да со всяким тщанием прилежите о семь деле Божии, во еже бы нам о непопечении, вам же о нерадении и небрежении, в страшный день отмщения Судии нелицемерному слова не воздати». О себе же царь заявляет: «се мы свидетельствуем безначально живущаго и безконечно царствующаго, яко готовы есмы вся наша и самых нас положити на поборете³⁷ по церкви Божии; вы точию, о делателие нивы Христовы, небрежением отягчени не будите». Затем царь говорил, что он, размышляя и прилежно заботясь об утолении мятежа церковного, с особою помощию Божиею нашел в своей царской сокровищнице «драгий и безценный бисер, преизрядное и преугодное орудие на искоренение расколов, богодухновенную книгу, Хризовул³⁸ именованную», которая представляла из себя не что иное, как деяние цареградского собора 1593 года об учреждении в России патриаршества, где, между прочим, сполна приведен символ веры. Это деяние цареградского собора уже давно хорошо было известно и самому царю и некоторым присутствовавшим сейчас на соборе лицам, так как оно, с заключающимся в нем символом, читано было на соборе 1654 года Никоном в присутствии государя, который, следовательно, уже ранее слышал и хорошо знал Хризовул и вновь открывать его с особою Божиею помощию, как что-то неизвестное, не имел нужды. Как на соборе 1654 года Никон, так на соборе 1666 года царь лично прочел Хризовул и затем обратился с вопросом к архиереям и боярам, тоже присутствовавшим на соборе: «тако-ли символ святыи и прочия догматы по написанному в Хризовуле держать?» На этот вопрос, от имени собора, отвечал целою речью важнейший и старейший из иерархов новгородский митрополит Питирим. В своей речи, которая, впрочем, представляет из себя сочинение Полоцкого, Питирим, прославляя ревность царя, заявляет, что все они принимают «богодухновенную книгу (Хризовул), яко истинную брань веры. Тако верим, тако держим, яко же в ней святейшии четьре восточнии патриархи, написавшиеруками си и печатями утвердивше, прислаша, и якоже твое пресветлое царское величество благоволи нам во всеуслышание всем прочести. К сим вовеки ничесоже имама приложити, отъяти, или изменить. Инако же держащия, прилагающия отъемлющия, или изменяющия за враги имама церкви Божия, их же властию, от Бога нам данною, потщимся в покорение любезно приводити; на не брегущия же о сем и жезла нашего духовныя силы не усумнимся употребити, способием прекрепкия твоя царския десницы». После такого ответа Питирима от лица собора, царь сам сначала поцеловал символ, находящийся в Хризовуле, «и вручи и просвещенному собору, его, вси почину целовавшие архиереи, предаша

и благородным боярам, окольничим и думным людям, ко еже целовати». Это целование символа, всеми членами собора, не исключая присутствовавших на соборе бояр, окольничих и думных людей, заменяло, так сказать, поименную голосовку в пользу признания всеми членами собора новоисправленного при Никоне символа, а вместе и всех вообще книжных исправлений. После этого царь закрыл первое соборное заседание, и на следующие более не являлся. Самые соборные заседания, открытые в его царской столовой палате, начиная со второго заседания, происходили уже в патриаршей крестовой палате³⁹ в присутствии только одних духовных лиц.

На втором заседании собор имел дело исключительно с вятским епископом Александром. Последний, как мы знаем, будучи личным врагом Никона, который, закрыв коломенскую епархию, перевел из нее Александра в далекую Вятку, подавал царю челобитную, в которой он сильно напал лично на Никона, изображая его, как патриарха, в самых мрачных красках. Но на этом Александр не остановился, а перешел к нападению на книжные исправления Никона, почти во всем сходясь в этом случае с защитниками старины, у которых, поэтому, Александр и пользовался особым уважением и расположением. Естественно, что собор, единодушно решившийся признать правыми церковные реформы Никона и осудить всех противящихся им, не мог оставить без внимания Александра, вносящего разлад в единодушную епископскую среду и оказывавшего, уже благодаря своему епископскому сану, сильную нравственную поддержку всем защитникам старины. Александр был подвергнут соборным увещаниям, ему показана была ошибочность и неправота его нападений на новоисправленные книги, и он принужден был сознаться в своих заблуждениях и принести в них раскаяние, признав, вместе с другими архиереями, полную правильность и законность всех новых церковных порядков. Это отречение от прежних воззрений Александр выразил письменно, причем, вполне присоединяясь к признанию, вместе со всеми другими архиереями, православия тогдашних греческих патриархов, греческих печатных книг и московского собора 1654 года, писал еще: «а еже, пред сим временем, яко человек метохся о вышеписанных, паче же о прилагательном имени во святом символе, еже *истиннаго*, якоже возмнеся немощи моей, его же коварству сам в себе не сведех, мнех, яко прав мысля, та вся моя сомнения весьма повергаю, отреваю, и оплеваю; понеже о всех о нех ныне истинно уверихся добрым уверением, паче же о прилагательном имени во святом символе от древних рукописных книг, и от греческих, яко святая соборная апостольская восточная церковь, мати наша, в символе веры прилагательнаго имени никог-

да же име и не имать. Сего ради отныне и аз без всякаго сомнения тако держу и от сердца моего исповедую».

Покаяние епископа Александра на соборе имело большое нравственное значение и должно было влиять на успех усилий примирить поклонников и защитников старины с новыми церковными порядками. На их стороне доселе был один архиерей, но и тот теперь, по убеждению, отказался от них, как от защитников неправых мнений и публично перешел на сторону их противников. Пример епископа Александра, очевидно, должен был повлиять и на других сторонников старины, побудить и их к примирению с церковью.

Последующие заседания собора были посвящены тому, что на них, по очереди, призывались главнейшие и влиятельнейшие представители и поборники церковной старины, ранее доставленные в Москву, которым отцы собора производили увещания и разъяснения их недоумений, приводили доказательства и опровержения их мнений, всячески старались примирить их с церковью. Они привлечены были на соборный суд не за то собственно, что держались старых до никоновских церковных книг, чинов и обрядов, но за то именно, как прямо говорят соборные деяния, что приверженцы старины всем и всюду публично проповедывали и писали: «яко нынешняя церковь несть церковь, тайны божественныя не тайны, крещение не крещение, архиереи не архиереи, писания лестна, учение неправедное и вся скверна и неблагочестна». Собор призывая главнейших борцов за церковную старину, перечислял каждому его заблуждения, за которые он и подвергнут соборному суду. Но при этом собор ни одному из них ни разу не поставил в вину того обстоятельства, что они держатся старых книг, чинов и обрядов, как по существу неправых, или еретических и потому чуждых православной церкви. <...>

<...> Вполне естественно было, что указанный в высшей степени тактичный и примирительный образ действий русских иерархов на соборе 1666 года, какого они держались относительно приверженцев старины, согласно желанию и приказу государя, сопровождался самыми благими последствиями. Почти все привлеченные к соборному суду защитники церковной старины, благодаря кротким, разумным и примирительным увещаниям архипастырей, остерегавшихся раздражать и озлоблять увещываемых порицательным отношением к родной старине, сознались в ошибочности взводимых ими ранее обвинений на новоисправленные книги, покаялись в своих заблуждениях и соединились с церковью. Только очень немногие, именно: Аввакум, Лазарь, дьякон Федор и подъяк Федор — всего четыре человека, не смотря на увещания собора, остались непреклонными в своих заблуждениях, не захотели отказаться от обвинений церкви

в еретичестве и потому подвергнулись конечному соборному осуждению (лишению сана и анафеме) за свое упорство. Но это, очевидно, были только единицы, которые к тому же уже не имели под собою прежней твердой почвы и потому не могли быть особенно опасными в будущем для мира церкви. Даже возможно думать, что и эти лица, если бы к ним и к защищаемой ими старине и потом относились строго в духе собора 1666 года, с течением времени одумались бы и тоже соединились с церковью.

Так думать дает право то обстоятельство, что и на указанных нами не многих самых упорных и ожесточенных защитников старины находили однако минуты сомнения, колебаний, неуверенности в правоте защищаемого ими дела. Протопоп Аввакум рассказывает о своем настроении после лишения его собором сана и предания анафеме следующее: «егда мне темныя власти волосы и бороду остригли и проклявши за твоим (т. е. царским) караулом на Угреше в темнице держали, о, горе мне, не хочется говорить, да нужда влечет! — тогда нападе на мя печаль, и зело отяготихся от кручины и размышлях в себе: что се бысть, яко древле и еретиков так не ругали, яко же меня ныне, — бороду и волосы отстригли и проклиали и в темнице затворили: никониане пуще отца своего Никона надомною бедным сотворили. И о том стужах Божеству, да явит ми, *не туне-ли мое бедное страдание?*» Дьякон Федор про себя рассказывает, что когда он сидел в заточении в Угрешском монастыре, «по триех неделях помысли окаянный молити всецедраго Бога, дабы известил сердцу моему Христос: *аще неправо что старое наше благочестие и новое чтодобро*». Он же рассказывает про себя: «егда прииде нам весть, яко Соловецкий монастырь взят бысть и разорен: и аз грешный вельми оскорбихся о том, и правило отверг того дни, и начат сея стужати Христу — свету, и от горести с досадою глаголати, яко вскую попусти последнюю обитель разорити и осквернити, — бия рукама своима в перси и о постелю свою от зельныя жалости; презрел мя еси Господи — глаголаше, — и не хочу уже впредь просити у Тебя ни очем, ни псалмов пети, токмо едино: создавый мя, помилуй мя, глаголати, буди воля Твоя!... По сем аз о клятвах сумневахся и сетовах некогда. В пост Филипов отпев заутреню рано, и повалихся на скамейку, и начах размышляти в себе, глаголя: что се, Господи, будет? тамо, на Москве, клятвы вси власти налагают за старую веру и на прочих верных, и zde у нас между собою стали клятвы и мои друзи мене проклинают за несогласие с ними в вере же, во многих догматах, болши и никониянских!... Да еще ми бысть, продолжает рассказывать Федор, печаль велия после казни нашея zde, яко дни три лишитимися и правила обычнаго всего: зане стужих си продол-

жения ради мучительского томительного, бысть в смущении велице, и по премногу отяготихся скорбию от зельнаго томления, яко разорен есть и обруган от отступник, и разлучен со всеми своими, и в далекую страну заточен, и обрезан двократы языка, и обсечен рукою, и жив в земли загребен, яко во гробе, и заключен и злою стражею огражен, и голодом и наготою и всякою теснотою утомляем есмь, и дымом повсядненным и горким чадом умерщвляет, всегда. И стенах зело к Богу о сем, глаголя: Господи сердцеведче всех праведный судия! Что будет по сем Твоя святая воля о нас бедных? И проклинах день рождения своего, яко же Иов, от зельных печали тоя». <...>

<...> Окончательно утвердив реформу Никона, осудив ее противников не за приверженность к святой русской старине, а только за хулы на новоисправленные книги, чины и обряды и за хулы на всю вообще церковь, и тем положив прочное начало к прекращению возникавшего было церковного раскола, собор 1666 года, обратил, в заключение, свое внимание на необходимость водворения более строгого церковного благочиния, на усиление надзора за жизнью и пастырскою деятельностью духовенства, поскольку она служила поводом к соблазну и нареканию на существующие церковные порядки. Сделать это было тем более необходимо, что первые представители старообрядчества, как мы знаем, принадлежали к кружку ревнителей благочестия, который образовался в начале царствования Алексея Михайловича и задался мыслию уничтожить различные пороки и недостатки в жизни народа, самого духовенства, как белого так и черного, различные беспорядки, сильно укоренившиеся тогда в отправлении различных церковных служб и т. под. Именно реформы в этой сфере кружек ждал и требовал от Никона патриарха, как своего бывшего сочлена и сторонника. Но Никон, как известно, сделавшись патриархом, сосредоточил всю свою деятельность исключительно на исправлении церковных книг и обрядов, оставив неисправленную ту сторону жизни, на исправлении которой особенно усиленно и энергично настаивали ревнители, убежденные, что в исправлении нуждается самая жизнь, а не книги. В этом смысле ревнители не переставали делать заявления и в последующее время. Поп Ирадион (дело о котором разбиралось в 1660 году) писал: «священство в мире яко душа в теле. Ведомо убо буди: епископ убо вместо всех Бога, священник же — Христа, прочи же святых ангелов; аз же мню: несть уже ни единого епископа, чтобы жил по епископски, ни священника, чтобы жил по священнически, ни инока, чтобы жил по иночески, ни христианина, чтобы жил по христиански, вси свой чин презреша: игумени оставиша свои монастыри и возлюбиша с мирскими женами и девицами содружатися, а попове, оставльше

учительство, и возлюбиха обедни части служить и кадило от грабления и от блуда на жертву Богу приносить, и мерзостное и кальное свое житие всем являти, и благочестием лицемерствующееся, мняще частыми обеднями Бога умилостивити, недостойни и пьяни, помрачени различными злобами, а слова Божия и слышать не хотящее». Дьякон Федор, указывая на существующие злоупотребления при поставлении в священно и церковно служительские должности, замечает: «сие бо им подобаше исправляти, а не догматы отеческия превращати». Инок Авраамий тоже замечает: «подобает им, государь, самих себе исправить, еже по закону божественному свое житие устроить, а не закон божественный своими умыслами развращати»*.

Справедливость указанных жалоб и обличений ревнителей была для всех очевидна. Все истинно благочестивые люди действительно соблазнялись тогда разными церковными беспорядками и нестроениями и искренно желали, чтобы архипастыри уничтожили их. В виду этого собор русских иерархов 1666 года решился восполнить реформу Никона, сделать то, что Никон не мог, или не успел сделать т. е. решился по возможности уничтожить те злоупотребления и недостатки в религиозно-церковной жизни, на которые жаловались ревнители еще при патриархе Иосифе и на которые потом с ударением указывали противники церковной реформы Никона, поясняя при этом, что современные архипастыри занимаются только никому ненужными и не для кого бесполезными переделками святой старины, а о том, что действительно требует исправления и переделки, что служит постоянным соблазном для всех верующих, — об исправлении этого они не заботятся.

Собор 1666 года обращается ко всем пастырям с особым довольно обширным воззванием, в котором он заповедует пастырям церкви по новоисправленным книгам «исправляти церковное все славословие чинно и немятежно и единогласно, и гласовое пение пети на речь, час же девятый велеть пети купно с вечернею, а не по литургии, ниже прежде литургии». Заповедует, чтобы священники наблюдали за опрятным содержанием всех церковных предметов, за правильным ведением записей о рождении и крещении, умерших, о браках, чтобы священники и дьяконы провожали умерших на кладбища, не погребали у церкви и не отпевали тех, которые не были на исповеди без особенно уважительных причин, чтобы они «страха ради человеческого, или сана величества стыдяся, мзду некую получив», не допускали до приобщения св. тайн лиц недостойных, и чтобы для напущения болящих, шли к ним без всякого замедления, «дабы

* Матер. I, 670 VI, 42, 68–69. VII, 290.

не един христианин, мал и велик, не отошел света сего без покаяния и елеосвящения и причащения тела и крове Христовы». Собор предписывает поповским старостам и десятским⁴⁰ накрепко смотреть, «чтобы священноиноцы и священницы, и прочии иноцы и причетницы не упивались и в корчмы пити бы не ходили и от сквернословия и срамословия и кощунства всякаго удалялися» и хранили бы священный чин священства «безззорным своим жительством». Предписывается чтобы священники поучали мирских людей «по вся воскресения по литургии, раздав антидор», внушали бы своим прихожанам неопустительно посещать все церковные службы, и приносить в дар церкви свечи, ладон и вино, а для нищих милостыню, «комождо по силе от праведнаго притяжания, а не от грабления и обиды и проклятаго мздоимания неправеднаго»; чтобы молящиеся «стояли в церквах тихо и немятежно, и пению бы и чтению внимали и Господу Богу о оставлении грехов своих молилися от всея души, со умилением, и воздыханием, и со слезами, и в молитвах своих поклонения во время учиненное творили со знамением на себе честнаго креста». В видах соблюдения чинности и тишины во время богослужения собор «накрепко» наказывает священникам наблюдать, «чтобы нищие в церкви, во время пения, по церкви не бродили милостыни просити, а стояли бы в церкви нищие тихо во время божественного пения, или бы стояли на паперти», где и должна им подаваться милостыня, непокорных же нищих «велети смирятн священникам за безчинство». В этих же видах собор предписывает священникам: «также бы велети имати и власы растящих, и ризы черные носящих, и босых ходящих, иже мнятся благоговейни быти, не суть же такови, — сих имати и приводити на патриаршей двор, а в прочих епархиях по градам приводити на митрополии и архиепискополии епископии дворы». Относительно черного духовенства собор заповедует архимандритам и игуменам, под угрозой епитимии, чтобы черные попы и дьяконы, без особаго разрешения местного архиерея, ни под каким видом не переходили из монастыря в монастырь, и чтобы никто и ни кого не смел постригать в иноческий чин в домах, а постригали бы только в монастырях, при свидетелях, и не иначе бы, как после долгого искуса на монастырских работах.

В своем воззвании к пастырям церкви собор 1666 года внушает всем пастырям держаться новоисправленных Никоном книг, при этом однако вовсе не упоминает о старых книгах, как неправых; вовсе умалчивает и о старом обряде, как испорченном, а только рекомендует обряд новоисправленный, не показывая его отношения к старому. Так, собор предписывает знаменоваться в крестном знаменнии тремя перстами, но при этом вовсе не говорит, чтобы

двоперстная форма перстосложения, которой в то время держалось большинство, была неправославная, еретическая-армянская, как ранее торжественно уверял в этом антиохийский патриарх Макарий, не говорит, чтобы двоперстие было недопустимо для православных. Собор предписывает при крестном знамении говорить молитву: Господи И. Христе, Боже наш, помилуй нас, а не так, как говорят некоторые: Господи И. Христе, Сыне Божий, помилуй нас, при чем замечает: «от обычая неких глаголется и сия молитва, и не обсуждаем ю сим, зане предводительствует сей молитве предложенная от нас зде молитва». Священникам повелевается при благословении слагать персты имянословно, но рядом с этим вовсе нет запрещения употреблять при благословении и иное перстосложение. Только относительно аллилуии отцы собора решительно требуют, чтобы всеми обязательно употреблялась трегубая аллилуиа, а никак не сугубая⁴¹, так как, говорят отцы собора, «еже в житии святого Ефросима псковского писано глаголати дважды аллилуиа, в третье: слава тебе Боже, *и о сем не мозите претися*, зане тамо писано велия и несказанная хула на святую живоначальную Троицу, ея же и писанию предати не мощно»*.

Таким образом, принцип: не хулить старые книги, чины и обряды, не порицать и не укорять держащихся их, был очевидно, строго проведен и в соборном воззвании русских иерархов ко всем пастырям церкви, чем, конечно, отнимались поводы к препирательствам и взаимным неразумным обличениям в неправославии между держащимися старого и новоисправленного обряда и создавалась прочная основа для их примирения, которое, при таком положении дел, составляло уже только вопрос времени. Если же в действительности этого не случилось, то на это были особые причины, о которых будем говорить ниже. <...>

* Матер. II, 120–144.